

Сергей Фирсов

Трагедия противостояния: религиозный фактор в Гражданской войне в России*

Sergey Firsov

(Saint Petersburg Theological Academy, Russia; Herzen University, Saint Petersburg, Russia)

The Tragedy of the confrontation: the religious factor in the Russian Civil War

DOI: 10.31857/S2949124X24040266, EDN: FDVMTG

История Гражданской войны в России активно изучалась как отечественными, так и зарубежными исследователями. При этом историкам неизбежно приходилось обращать внимание и на наличие в данном конфликте религиозного фактора. Однако в советское время его, как правило, игнорировали, а верующих и, в частности, православную Церковь, характеризовали как заведомо контрреволюционную и «реакционную» силу. Однако и отказ от марксистско-ленинской идеологии, как показали последние три десятилетия, отнюдь не стал гарантией «беспристрастности». Как некогда заметил В.П. Булдаков, «“совокупность фактов”, тем более их системно-пространственную иерархизацию, куда проще подменить “возвышающим обманом” мифа»¹. Идеализированные представления о «России, которую мы потеряли», в определённой мере заместили советские догмы о закономерности победы большевиков.

Понимая, что нельзя «объять необъятное», коллектив авторов, попытавшихся осветить значение религиозной составляющей Гражданской войны (А.С. Пученков, Н.Н. Смирнов, А.В. Сушко, И.В. Петров, В.В. Калиновский, Ю.А. Бирюкова и В.Н. Кальниченко), осознанно оставил за пределами рассмотрения феномен «красной обрядности», судь-

бы русских сектантов, представителей западных конфессий в России и народов Сибири, Урала и Дальнего Востока, исповедовавших свои традиционные культы. Вместе с тем учёные сосредоточились на анализе положения Православной Российской Церкви на Севере, небольшевистском Северо-западе и Юге России, в Поволжье (подробно описаны церковная революция 1917 г. в Казанской епархии и жизнь Самарской епархии под властью Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания), в Сибири и на Дальнем Востоке, говорится о позиции старообрядцев (преимущественно поповцев), российских буддистов и иудеев, о горском движении и влиянии на него ислама, особое внимание уделено ситуации в Крыму, где проживали последователи самых разных вероисповеданий. Не случайно в первой же главе речь идёт о региональной специфике проявлений религиозности в Гражданской войне.

Нельзя не отметить, что авторы проделали колоссальную работу, изучив сотни источников, хранящихся в 20 федеральных и региональных архивах (включая ГА РФ, РГИА, РГВА, РГАСПИ, Российский государственный архив Дальнего Востока, Национальный архив Республики Калмыкия, государственные архивы Архангельской, Иркутской, Мурманской, Но-

* Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России: феномен, значение, региональная специфика / Под ред. А.С. Пученкова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2024. 572 с.

восибирской, Псковской, Ростовской и Самарской областей, Республик Бурятия и Татарстан, Краснодарского, Приморского и Хабаровского краёв, Исторический архив Омской обл. и Центр документации Новейшей истории Ростовской обл.), а также в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки и Архиве Санкт-Петербургской епархии.

По словам авторов монографии, «религиозный фактор есть совокупность множества составляющих, воздействующих на социальную, общественно-политическую, духовную, культурную и национальную жизнь общества, определяющих порядок функционирования религии и её институтов в системе отношений государства и общества, а также влияние религии как социального института на нерелигиозные формы общественной жизни» (с. 8). Одновременно они приводят и «удачное определение» В.Н. Рагузина, под «религиозным фактором» понимающего «функциональное состояние и характер взаимосвязей и взаимодействия религии и её компонентов с объектами влияния: обществом, политикой, культурой, государственной властью, нацией и т.д.». Исходя из этого, по их мнению, «следует, что религиозный фактор реализуется в тот момент, когда религия оказывает существенное влияние на явления, институты, события». Поэтому в книге он раскрывается «как процесс влияния религии на начало, ход и исход войны, на деятельность противоборствующих сил, политические институты и общественное мнение» (с. 11–12).

Вероятно, в данном случае было бы корректнее писать не о *религии* (т.е. определённой системе взглядов, обусловленной верой в сверхъестественное), а о тех или иных *религиозных институтах*, прежде всего — о Православной Российской Церкви, ока-

завшейся в условиях Гражданской войны заложницей политики «белых» и «красных». Но велико ли было её воздействие на «ход и исход» происходивших тогда в России событий? Выяснить это особенно важно, так как сами же авторы монографии утверждают, что «религиозный фактор имеет место только в тех случаях, когда религия оказывает существенное влияние на политику, общество, государство» (с. 13).

Конечно, религиозные представления и институты неизменно влияют на общество, хотя и не всегда непосредственно. Однако по документам, составленным представителями той или иной конфессии, далеко не всегда возможно определить степень религиозности различных социальных групп, рост или упадок их веры и т.п. Авторы монографии, по-видимому, хорошо это осознали, и их попытку нарисовать подробную и широкую картину духовной жизни России в годы Гражданской войны следует признать вполне успешной.

Как показано в книге, и белые, и красные осознали значительный политический и духовный потенциал Церкви. Неудивительно, что её иерархи — патриарх Тихон (Беллавин), митрополит Антоний (Храповицкий), епископ Вениамин (Федченков), как и многие другие священнослужители, так или иначе становились действующими лицами конфликта. Однако в итоге, по мнению исследователей, «можно констатировать, что крупнейшие российские конфессии — православие и ислам — в годы Гражданской войны не сумели должным образом консолидироваться, а их институты не стали влиятельными субъектами политики в общегосударственном масштабе, не оказав серьёзного влияния на ход вооружённой борьбы» (с. 59)².

Фактически религиозные структуры существовали как бы «параллель-

но» власти (как «белой», так и «красной»), которая устанавливалась на той или иной территории. Причём было не «двоевластие», а нечто похожее скорее на «когнитивный диссонанс», возникающий при столкновении в сознании взаимоисключающих идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций. Видимо, в этом и заключалась суть «религиозного противостояния», если таковое вообще наблюдалось. Во всяком случае, адекватно оценить (тем более — признать) логику «нового мира», которую навязывали большевики, в условиях Гражданской войны было в принципе невозможно. Их откровенное богоборчество отталкивало миллионы верующих, говоривших с ними на разных языках и не желавших отказываться от своих религиозных идеалов.

Безусловно, авторы монографии прекрасно осознают, что их труд — лишь начало исследования того, как коллизии Гражданской войны воспринимались верующими людьми. Причём осмысление данной темы требует знания не только «фактологии», но и «философии истории». Постепенно единственно возможным способом существования религиоз-

ных институтов в Советской России стал конформизм, окончательно утвердившийся после издания печально знаменитой «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского) в июле 1927 г. Впрочем, как справедливо указывают авторы, «и лояльность по отношению к власти не гарантировала... сохранения жизни и свободы ни в 1920-е годы, ни в эпоху Большого террора» (с. 538).

Вместе с тем профессионально и ярко написанная книга станет ценным пособием для всех, кто интересуется трагедией Русской смуты начала XX в. и пытается постичь причины победы большевиков в Гражданской войне.

Примечания

¹ Булдаков В.П. Историческая память и ремесло историка России // Долг и судьба историка. Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова. М., 2008. С. 43.

² Следует только уточнить, что если православие — это одно из направлений в христианстве, то ислам — мировая монотеистическая религия, о «конфессиональном оформлении» которой говорить затруднительно. Правильнее было бы сказать о Православной Российской Церкви и мусульманской умме в России.

Даниил Коцюбинский

Почему вера проиграла идеологии?*

Daniil Kotsyubinsky

(European University at Saint Petersburg, Russia)

Why did faith lose to ideology?

DOI: 10.31857/S2949124X24040274, EDN: FDNSR

Коллективную монографию известных российских историков Ю.А. Бирюковой, В.В. Калиновско-

го, В.Н. Кальниченко, И.В. Петрова, А.С. Пученкова, Н.Н. Смирнова и А.В. Сушко с полным основанием

* Религиозный фактор в годы гражданской войны в России: феномен, значение, региональная специфика / Под ред. А.С. Пученкова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2024. 572 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369-П «Процессы легитимации насилия: Культуры конфликта в России и эскалация гражданской войны».